

ПОСВЯЩЕНИЕ

I

В чернильнице моей поют колокола,
Склоняются дубы над крышей пепелища.
В ней город затонул – где прежде ты жила;
Нырять кит, судов проламывая днища;
И каплет кровь с ветвей, где ночь любви вела
В кабаньих зарослях осенние игрища.
И гекатомб венец в сто сорок кораблей
Антоний утопил в чернильнице моей.

II

Где тополя шумят над красной черепицей,
Клен черный с яблоней сплетаются в окне,
Где смотрит дом в закат чердачною бойницей,
Там было суждено взглянуть впервые мне
В нагую глубь озер той скорби темнолицей,
Той властелинши, чей напев звенит во сне
Глухом, младенческом (лишь бурю догадки
Вздувает памяти чудовищные складки).

III

Как желтых туч пласты – осенние леса
Хоругвью шелеста твое клубили имя.
Со дна сознания преданий голоса –
На алых лошадях, под гребнями седыми –
Им смутно вторили... Песчаная коса
От волн хохочущих дрожала. Будто – в дыме
Ночном чуть видима, хватаясь за кусты, –
С большой толпой подруг идешь купаться ты...

IV

...И книгу февраля с застежкой золотой
Листает влажный снег, дыханья осторожней;
Твой ранний, горький смех – всепомнящей рукой.
Словарь твоей любви, – как розовые пожни
Под инеем сквозным, – вписал он в книге той.
Но я прочел не все, – и, что ни день, тревожней
Живет забытый край в душевной глубине,
Иголки башенок вонзая в сердце мне.

V

Я не его любил. Моим заветом не был
Ни город юности, ни игр забытых дом,
Но у тебя в глазах тонули даль и небо,
Двор с лошадьми, листок, летящий над прудом.
Но целый край, в лесах, в стоверстных волнах хлеба,
Стоял как зеркальце на столике твоём.
Тот мир, как мельница – росистая, ночная, –
Спал, водяным столбом твой образ отражая.

«Это был величайший прогрессивный переворот, пережитый... человечеством, эпоха, которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страстности и характеру, по многосторонности и учености. Люди, основавшие современное господство буржуазии, были чем угодно, но только не буржуазно-ограниченными. Наоборот, они были более или менее обвеяны авантюрным характером своего времени. Тогда не было почти ни одного крупного человека, который не совершил бы далеких путешествий, не говорил бы на четырех или пяти языках, не блистал бы в нескольких областях творчества...»

Энгельс (Диалектика природы)

«...В то время как буржуазия и дворянство еще ожесточенно боролись между собой, немецкая крестьянская война пророчески указала на грядущие классовые битвы, ибо в ней на арену выступили не только восставшие крестьяне... но за ними показались начатки современного пролетариата с красным знаменем в руках и с требованием общности имущества на устах».

Энгельс (Диалектика природы)

«Но подражать в величии отцам бесславные сыны не научились...»

Байрон (Чайльд Гарольд, IV, LXXXIX)

ДЕТСТВО

(Родина)

В пыли, стадами подымаемой, тонул
И плакался расколотым подолом
Ночного колокола
город ссыльных
Народовольцев, воротил в поддевках
И с бородами, как битюжки ноги.

Вот родина моя. Унылый город,
Склонившийся над саблею реки,
Которой лезвие в осоке блещет,
А ржавая тупая сторона
Клинка несет лачуги и лабазы.
И катится по костылю слеза из глаза города.
На веках у него морщины, как овраги,

По берегам их лепятся домишки.
И кажется: сейчас войдешь через плотину
На улицу, где, в баночки железные звеня, бегут стада,
И станешь снова школьником, и председатель
У исполкома с вестовым проскачет,
Кубанку сбивши на затылок,
Казачьим ухая седлом.
А на дворе шумят закрученные дубы,
Листовою хлопая по желобам коры,
Как будто их, винтом, с неимоверной силой выперло
из камня,
И лопнули верхи у них, как бомбы,
И стали разговором зелени!
И семь дубов, как семь республик,
Сплетаются над домом,
И семь дубов дрожа сплетаются,
Как семь певцов, качаемых запевом Калевалы,
Попарно шестеро, седьмой, всех больше,
Над головами их жужжа качает
Гражданство молодой листвы.
И бабка говорила: «Север
Опять подул в свою трубу, как на картинке
Мужик седой и волосатый в раковину дует,
Он принесет нам в тучах майские снега!»
Но я его не знал. Я видел дубы, наполняемые бурей,
Их говор слушал, песню их застольную
и дребезжанье струн.
А ночью в крышу дождь стучал, как туча галок,
И выбегали девушки
мыть голову под толстою струей
И, кофточку стащив с плеча, мочили грудь и плечи.
Я слушал визг серебряный и плакал,
Что я ребенок и лишь буду им смешон,
что это берег –
Другой, огнями брызжущий,
Щебечущий листовою, птицами и смехом,
Другой – завистливый, где поцелуи
звенят и щелкают,
Где оживают статуи и, лестницей скрипя,

На мезонин приходят в каменных объятьях
Залавливать любовников живых.

А прачка неба, двигая корытом,
Струею толстой воду черную лила,
Свой хлеб трудом тяжелым добывая.
Как барин, издеваясь над ней,
Чубатый гром, хлеща коней, гремел телегой
И, проскакав и охорашиваясь,
Седою грудью молодо дыша,
Опять ругался:
«Прачка! Сволочь!
Уродина! И ноги у тебя распухли!
И харя вся рябая! Ты – лохань
Вонючая! Хоть сто Наполеонов
Роди – все будешь прачка ты!»
И прачка,
Беременная, плакала и воду
Лила струею толстой из корыта,
И ныли ноги – грязные, с узлами
Раздутых вен...

...О, мать моя! Тебе
Я песню посвящаю. Ты меня
Ребенком, как река, несла в своих рассказах,
Как птицу, ты меня закутывала в тучах
Любви, встающей десятью столбами,
Как многоцветный дым от десяти морей!
Над колыбелью, будто в блюде с чаем дужа
Ты словно буря относила гибель
От головы моей.
...Все потонуло,
Что помнил я. И разве только память
О памяти осталась. Но теперь –
Все подымись, что позабыто!
Стань прозрачной
До дна морского, мира глубина!
Ведь, в колбу зачерпнув, уж не на прежнем очаге
Соль из тебя я выпарю!

На корабле
Другом я поплыву теперь; не на рыбачьей
Посудинке, как раньше, у которой
Любой китеньш твой мог днище проломить
Хвостом, расщепливая бревна, словно дранки,
И сеть, чтоб выловить твоих чудовищ,
Твои богатства, тайны, чудеса,
Не прежнюю – веревочную, с тиной
Присохшей, опущу в тебя,
 а сеть стальную
На десять километров, чтобы по дну
Она тащила грузила, с мотором,
У траулера на корме...
Отвага
И честность, ободами
двух солнц сплетитесь
На хлопающем утре
Клубящихся знамен.
А молодость, стань трубачом с трубой двугорлой
С трубой печали и трубой веселья.
Ты, песня, как полки пойдешь, и за тобой
Обозом хлынет память, арбами скрипящая,
Ревущая багровыми быками,
Пыль подымающая с огневой каймой
Под теплым ветром, доносящим запах
С десятирусным, необъяснимым шелестом,
Из той страны, которой именем клянемся,
Которую идем завоевать!